



Императоръ Александръ I и русская оккупация Восточной Пруссии

въ концѣ 1812 года и въ началѣ 1813 г.

(Окончаніе).

IV¹⁾.

Дерзкія притязанія *Юрка*, *Шена* и другихъ административныхъ дѣятелей восточно-прусской провинціи возбуждали тѣмъ болѣе негодованіе въ рядахъ русской арміи, что поведеніе нашихъ солдатъ и офицеровъ не оставляло, по единодушнымъ отзывамъ всѣхъ официальныхъ и частныхъ лицъ, желать лучшаго. Именно въ Тильзитѣ и Мемелѣ русскіе гарнизоны не давали ни малѣйшихъ поводовъ къ жалобамъ со стороны обывателей, это засвидѣтельствовано земскимъ окружнымъ совѣтникомъ (Landrath) *фонъ-Линкеромъ*. Въ самомъ Кенигсбергѣ происходили скорѣе недоразумѣнія русскихъ съ пруссаками, большею частью, конечно, между офицерами. Случалось это нерѣдко вслѣдствіе того, что въ русскихъ рядахъ служило не мало офицеровъ, уроженцевъ прибалтійскихъ губерній и нѣмцевъ по національности. Находясь въ театрѣ, въ кофейныхъ, ресторанахъ и въ другихъ общественныхъ мѣстахъ, до ихъ слуха долетали иногда нелестные отзывы о русскихъ военныхъ, со стороны засѣдавшихъ тутъ же прусскихъ товарищей. Вотъ на этой почвѣ и возникали столкновенія, кончавшіяся иногда дуэлью, иногда взаимными оскорбленіями дѣйствіемъ. Особенно часто повторялись подобныя исторіи въ городскомъ театрѣ, такъ что генералъ графъ *Виттенштейнъ* вынужденъ былъ принять рѣшительныя

¹⁾ См. „Русская Старина“ ноябрь 1913 г.

мѣры ¹⁾. Но непріязнь и раздраженіе русскихъ офицеровъ, равно какъ и солдатъ противъ объявленныхъ уже со стороны нашихъ высшихъ военныхъ властей, ихъ союзниковъ и боевыхъ товарищей-пруссаковъ вытекала, между прочимъ, и изъ болѣе серьезныхъ и вполне реальныхъ причинъ.

Охваченный послѣ изгнанія французовъ изъ Россіи *idée fixe* „спасти“ и Европу отъ нестерпимаго гнета *Наполеона*, Императоръ *Александръ I* считалъ необходимымъ дѣлать предварительно всюду нравственныя завоеванія посредствомъ благодѣяній, уступокъ, обѣщаній и льготъ, сыплющихся словно изъ рога изобилія, на народы и страны, куда вступали его войска. Такъ, находясь еще въ Калишѣ, въ январѣ 1813 г., онъ говорилъ уже во всеуслышеніе о созданіи сильной, счастливой Франціи. Но слишкомъ явное намѣреніе къ снисканію преждевременнаго расположенія не всегда производило желанное впечатлѣніе. Многіе видѣли въ этомъ лишь хитрый маневръ скрыть слабость вооруженныхъ русскихъ силъ. Выставленная нерѣдко напоказъ сердечная доброта и великодушіе русскаго царя по отношенію къ жителямъ странъ и государствъ, открыто воюющихъ съ Россіей, не внушала, однако, полного довѣрія въ искренность проявленныхъ чувствъ. *Наполеонъ* и его приверженцы въ Германіи умѣли отлично пользоваться и нравственнымъ оружіемъ. Печать, не только Франціи, но и всего Рейнскаго союза была къ услугамъ могущественнаго цезаря. Съ помощью этой печати и проводили мысль, что не слѣдуетъ уже такъ безусловно довѣряться обѣщаніямъ и показнымъ ласкамъ русскихъ, у которыхъ-де слова съ дѣлами рѣдко согласуются. Кто въ состояніи примѣнять у себя дома и въ рядахъ своихъ войскъ столь варварскія и безчеловѣчныя наказанія, отмѣненныя во всѣхъ другихъ европейскихъ арміяхъ, какія приходится наблюдать зачастую въ арміи прославившаго себя на всѣ лады и падежи „великодушнаго“ „сердобольнаго“ и „справедливаго“ Императора Александра I, тотъ не остановится ни передъ какими насиліями надъ беззащитными народами, когда убѣдится, что за его дѣянія не придется ему держать отвѣта. Что въ русской арміи господствовала необычайная строгость, доходившая до жестокости за малѣйшіе проступки, это вѣрно и ложилось несомнѣнно тѣнью на славу доблестнаго войска. Но что особенно оскорбляло и унижало наше воинство въ собственныхъ его глазахъ, это отдача его подъ

¹⁾ Воспоминанія Эдуарда фонъ-Лёвенштерна въ его книгѣ: „Mit Graf Pahlens Reiterei gegen Napoleon“.

контроль и чуть не полицейскій надзоръ мѣстныхъ административныхъ властей. 15/27-го января 1813 года изъ Эльбинга, гдѣ была главная квартира Витгенштейна опубликованъ былъ приказъ, въ которомъ *все командиры отдѣльныхъ частей должны были представить отъ мѣстныхъ властей, идѣ квартировали ихъ отряды, свидетельства о хорошемъ поведеніи. Подписанъ былъ означенный приказъ дежурнымъ генераль-маіоромъ и кавалеромъ фонъ-Ольдекопомъ.* Благодаря всѣмъ этимъ строгостямъ и суровымъ предписаніямъ, исходящимъ изъ наивысшихъ военныхъ сферъ, наши офицеры платили за свой постой на манеръ частныхъ квартирантовъ. За все приходилось расплачиваться имъ наличными деньгами, и никто изъ главныхъ русскихъ военачальниковъ не обращалъ вниманія на то странное обстоятельство, что появившіеся въ Кенигсбергъ и другихъ городахъ Восточной Пруссіи нѣмецкіе легіонеры, собравшіеся благодаря патриотическому воззванію *Штейна* со всѣхъ концовъ Германіи для веденія партизанской войны противъ французовъ и ихъ союзниковъ, получали отъ земскихъ сословій, городскихъ магистратовъ и правительственныхъ учреждений не только полное продовольствіе натурой, но еще и денежное вознагражденіе, все равно какъ солдаты, такъ и офицеры. Такая демонстративная и оскорбительная несправедливость вызвала сильное неудовольствіе въ рядахъ нашей арміи, и столкновенія между щегольски одѣтыми нѣмецкими офицерами-легіонерами и нашими военными съ ихъ потертыми и закопѣлыми отъ дыма смоленско-бородинскаго и прочихъ сраженій мундирами, стали опять повторяться.

Совершивъ одинъ изъ чудовищнѣйшихъ по своимъ трудностямъ и лишеніямъ въ исторіи походъ ¹⁾, наши войны-побѣдители рассчитывали хоть на время воспользоваться заслуженнымъ отдыхомъ и правильнымъ довольствіемъ. Но взамѣнъ этихъ скромныхъ требованій сѣрымъ русскимъ героямъ-богатырямъ предоставляли обычное и неотъемлемое ихъ право варить себѣ пустыя щи изъ вновь пріобрѣтенныхъ неувядаемыхъ лавровъ, собранныхъ на залитыхъ кровью поляхъ Смоленска, Бородина, Краснаго, Мало-Ярославца и Березины. 5-го февраля состоялось

¹⁾ Согласно рапорту Кутузова, поданнаго имъ, въ началѣ декабря 1812 года Императору *Александрѣ*, русская армія, покинувшая Москву въ составѣ 110.000 человекъ, прибыла въ Вильну численностью лишь въ 27.000 строевыхъ нижнихъ чиновъ, годныхъ къ бою. Такимъ образомъ три мѣсяца она потеряла 75° изъ первоначальнаго своего состава.

наконецъ открытіе провинціального собранія въ Кенигсбергѣ. *Штейнъ хотѣлъ прочесть посланіе отъ имени Императора Александра I и этимъ узаконить дальнѣйшія постановленія и дѣйствія сословныхъ представителей*, но такому желанію воспротивились опять съ необычайнымъ упорствомъ *Йоркъ, Шенъ* и даже въ общемъ очень покладистый оберъ-президентъ *фонъ Ауэрсвальдъ*. Изъ чувства патріотизма *Штейнъ* уступилъ и выразилъ лишь намѣреніе присутствовать на торжествѣ, но и въ этомъ онъ столкнулся съ неопределимой оппозиціей. Ему стали доказывать, что присутствіе его, какъ представителя чужестраннаго монарха, вызоветъ сильное неудовольствіе у всѣхъ депутатовъ сейма. Общество относится-де съ недоувѣріемъ къ планамъ *Штейна* и обѣщаніямъ Императора *Александра I*. Президентъ *фонъ Шенъ* цитировалъ изложенное маркизомъ Паулуччи въ меморандумѣ, поданномъ имъ 8-го января 1813 года Государю, мнѣніе, въ силу котораго границей между Россіей и Германіей—сирѣчь—Пруссіей должна быть рѣка Висла¹⁾. *Штейну* говорили наконецъ открыто въ лицо, что въ случаѣ ея появленія въ собраніи, онъ будетъ встрѣченъ единодушными свистками²⁾. Вступительную рѣчь сказалъ при открытіи генералъ *Йоркъ* съ указаніемъ на прерванность сообщеній съ центральнымъ правительствомъ въ Берлинѣ. Но прерванность эта была отчасти условная, она не препятствовала собранію точныхъ свѣдѣній обо всемъ, что происходило въ той или другой части государства, и простиралась лишь на официальное сообщеніе берлинскихъ правительственныхъ сферъ съ занятыми русскими войсками областями. Такъ, между прочими, исходящими изъ прусской столицы, попытками завязать правильныя сношенія съ восточными окраинами монархіи, слѣдуетъ указать и на посылку спеціального курьера, везущаго королевскій приказъ о смѣщеніи генерала *Йорка* съ должности командира корпуса и преданіи его военному суду, а вмѣстѣ съ этимъ и собственноручное письмо *Фридриха Вильгельма III Императору Александру I*. *Виттенштейнъ*, однако, не допустилъ передачу перваго приказанія, а отобралъ его и уничтожилъ, письмо же, адресованное русскому Государю, отправилъ по назначенію.

7 февраля *Штейнъ* сложилъ съ себя обязанности уполномоченнаго Императора Александра I и покинулъ Кенигсбергъ, въ которомъ правленіе перешло опять въ руки прусской администра-

¹⁾ Изъ біографіи Дройзена: „Жизнь генералъ-фельдмаршала графа Йорка“.

²⁾ Изъ донесеній правительственнаго совѣтника Штегемана князю Гарденбергу.

ціи. Остался одинъ русскій комендантъ для официальныхъ распоряженій и сношеній между русскими и прусскими военными властями. Съ перемѣной правленія въ восточно-прусскихъ областяхъ, т.-е. съ врученіемъ власти въ руки прежнихъ, „законныхъ“ — какъ выразились прусскіе бюрократы — хозяевъ страны, положеніе русскихъ войскъ отнюдь не улучшилось. На восточныхъ пришельцевъ, хотя до нѣкоторой степени и очень желанныхъ, стали смотрѣть какъ на предметъ эксплуатаціи. Когда весной 1812 года черезъ восточныя провинціи Пруссіи проходили несмѣтные полчища французскихъ и союзныхъ съ ними войскъ, то ни одинъ изъ тамошнихъ жителей не осмѣливался открывать рта и жаловаться на притѣсненія, творимыя чужестранными солдатами, или на убытки, причиняемые ему ихъ безчинствами, грабежами и умышленной порчей имущества. Съ появленіемъ же русскихъ освободителей отъ нестерпимаго французскаго ига, настроеніе мѣстныхъ аборигеновъ рѣзко перемѣнилось; они стали громко заявлять объ убыткахъ и проторяхъ, понесенныхъ ими отъ постояннаго даже только прохода черезъ ихъ владѣнія русскихъ военныхъ отрядовъ, требуя при этомъ зачастую смѣхотворно преувеличенное вознагражденіе. Вслѣдствіе чрезмѣрнаго наплыва жалобщиковъ образованы были для провѣрки всѣхъ поступавшихъ претензій смѣшанныя изъ русскихъ и прусскихъ чиновниковъ комиссіи, въ дѣлахъ которыхъ, сохранившихся и по сіе время въ городскихъ и другихъ архивахъ Восточной Пруссіи, Помераніи и Силезіи, можно встрѣтить чудовищныя по своей придирчивой мелочности, глупости и недобросовѣстности требованія относительно вознагражденія мнимыхъ и даже вымышленныхъ убытковъ, понесенныхъ многочисленными обывателями. Съ первыхъ же шаговъ, предпринятыхъ для разслѣдованія дѣла, становилось нерѣдко яснымъ, что ходатайствующій пытался понесенные имъ во время прохода и пребыванія у него французскихъ войскъ въ 1812 г. убытки свалить на событія 1813 года въ связи съ появленіемъ русскихъ. Просителямъ доказывали иногда на основаніи хронологическаго хода событій всю вздорность ихъ требованій. Если, на примѣръ, сельскій хозяинъ-хуторянинъ или содержатель постоялаго двора утверждалъ, что стоявшая у него русская кавалерія испортила ему весь полъ въ конюшнѣ и деревянныя или кирпичныя настилки въ сараяхъ и амбарахъ, то русскіе штабные офицеры доказывали ему тутъ же, что черезъ мѣстность, гдѣ находится его недвижимое имущество, прошелъ всего только одинъ русскій эскадронъ, не останавливавшійся болѣе сутокъ на мѣстѣ, такъ что подобной порчи пола и настилокъ не могло

ресы его. Впрочемъ тутъ нечего удивляться; окруженный такими совѣтниками, какъ: *Аракчеевъ*, *Лавартъ*, графъ *Армфельдъ*, князь *Чорторижскій*, *Поццо ди Борго*, *Александръ I* не могъ смотрѣть на многія дѣла исключительно только собственными глазами, а поддавался невольно нѣкоторымъ внушеніямъ, исходящимъ отъ поименованныхъ лицъ.

Упрекъ, высказанный *Наполеономъ* въ Вильнѣ во время знаменательной его бесѣды съ генералъ-адъютантомъ *Балашевымъ* по адресу Александра I, что онъ окружилъ себя недостойными его людьми, былъ, конечно, безтактенъ, но отнюдь не такъ мало обоснованъ, какъ увѣряетъ *Ипполитъ Тэнъ* въ своей „Исторіи происхожденія современной Франціи“. Благодаря стараніямъ прусскихъ патріотическихъ обществъ и союзовъ, имѣвшихъ своихъ вліятельныхъ представителей и при дворѣ короля *Фридриха Вильгельма III*, а главное въ силу непрерывнаго утѣшанія, шедшаго изъ русской главной квартиры въ *Калиши*, оборонительный и наступательный союзъ между Россіей и Пруссіей противъ Франціи былъ наконецъ заключенъ 28-го февраля. Съ прусской стороны уполномоченнымъ явился военный министръ, генералъ *фонъ Шарнорстъ*, человекъ большого ума, эрудиціи и выдающихся душевныхъ качествъ. Россію представлялъ самъ *фельд-маршалъ Кутузовъ*. Въ союзномъ договорѣ были, между прочимъ, включены и два тайныхъ параграфа. По первому Россія обязывалась помогать Пруссіи возстановить ее въ границахъ до тильзитскаго мира. Второй тайный параграфъ касался пріобрѣтенія Пруссіей *Познанской области*, какъ слишкомъ глубоко врѣзавшейся въ территорію монархіи¹⁾.

Съ подписаніемъ договора вѣчнымъ колебаніямъ нерѣшительнаго, опасливаго прусскаго короля былъ положенъ извѣстный предѣлъ. Онъ былъ лишенъ возможности тормозить ходъ дальнѣйшихъ событій, разыгравшихся и впоследствии часто противъ воли и желанія этого такъ скудно одареннаго историко-политическимъ чутьемъ монарха. Душою коалиціи противъ *Наполеона* сталъ несомнѣнно Императоръ *Александръ I*, хотя и за его спиной орудовали и интриговали лица, не принимавшія во вниманіе интересы Россіи. Но объ этихъ весьма характерныхъ и малоотрадныхъ явленіяхъ мы поговоримъ въ другомъ, отдѣльномъ, очеркѣ.

М. В. Станиславскій.

¹⁾ Изъ дневника прусскаго государственнаго канцлера князя *Гарденберга*, вышедшаго послѣ его смерти въ 30-тыхъ годахъ прошлаго столѣтія.